

В. Ф. Ходасевич

Богданович

Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922--1939. -- М.: Согласие, 1996.

[OCR Бычков М. Н.](#)

С некоторых пор в советской России повелся обычай справлять литературные поминки во многих случаях, когда о настоящем, полном юбилее не может быть речи. Сейчас, когда литературная осведомленность пришла в упадок по обеим сторонам рубежа, когда настоящее так скудно, а каждая светлая страница прошлого так драгоценна, эта идея кажется мне удачной.

На днях исполнилось сто девяносто пять лет со дня рождения Ипполита Федоровича Богдановича: он родился в Малороссии, в местечке Переволочном, 23 декабря 1743 года по старому стилю, то есть по новому, с тогдашней разницею в одиннадцать дней, -- 3 января 1744-го. Одиннадцати лет он был отвезен в Москву для учения. Обучался в Математической школе, но вскоре каким-то образом пристрастился к театру. Было ему лет семнадцать, когда он отправился к Михаиле Михайловичу Хераскову, бывшему тогда директором Московского Театра, с просьбой принять его в число актеров. В актеры он не попал, но с Херасковым, несмотря на разницу лет, подружился и под его влиянием стал писать стихи. Автор "Россиады" даже поселил его у себя.

Сердечная простота была и навсегда осталась его отличительною чертой. "Осьмнадцать лет, -- говорит его биограф, -- он казался еще младенцем в свете; говорил, что думал, делал, что хотел; любил слушать умные разговоры и засыпал от скучных. К счастью, поэт жил у поэта, который требовал от него хороших стихов, а не рабского соблюдения светских обыкновений... Богданович от искренности своей казался смелым; но если слово его оскорбляло человека, то он готов был плакать от раскаяния; чувствовал нужду в осторожности и через десять минут следовал опять движению своей природной откровенности". Был он до крайности "чувствителен к любезности женской", то есть влюбчив, но так же до крайности робок и нежен, а потому -- "видел, обожал, краснелся -- и вздыхал только в нежных мадригалах".

В 1765 году, отдавая дань гражданственным увлечениям эпохи, написал он поэму "Сугубое блаженство", в которой воспевал "спасительное действие законов и царской власти". Поэма вышла довольно длинная, напыщенная и скучная. Впоследствии Богданович к этому роду творчества почти не обращался, ограничив себя сердечною лирикой.

Год спустя он получил место секретаря посольства при Саксонском дворе и уехал в Дрезден, где, впрочем, держался в стороне от дипломатической жизни. По обязанностям службы он тщательно составлял описание германских конституций, но более занимался тем, что "гулял по цветущим берегам Эльбы и думал о Нимфах". Дипломат из него не вышел. Через два года он вернулся в Россию и тут при первой возможности вышел в отставку, хотя было ему всего двадцать пять лет от роду. Поселился он в Петербурге, "на Васильевском острове, в тихом уединенном домике, занимаясь музыкою и стихами в счастливой беспечности и свободе; имел приятные знакомства; любил иногда выезжать, но еще более -- возвращаться домой, где Муза ожидала его с новыми идеями и цветами..." Он писал лирические стихи, переводил, издавал даже, как принято было в ту пору, небольшой собственный журнал "Петербургский Вестник", но главным образом трудился над произведением, которому было суждено принести ему славу у современников и потомства. Он писал "Душеньку", которую закончил в 1775 году, напечатал же только восемь лет спустя, и то лишь по настоятельному желанию друзей.

Тема этой "древней повести" не оригинальна. Она принадлежит к числу вечных, так называемых странствующих тем. В основу ее положен эллинский миф об Эросе-Любви и Психее-Душе. В живописи и скульптуре она трактовалась, кажется, даже чаще, нежели в поэзии. Из ее литературных обработок наиболее известна та, которая заключена в книге римского писателя Апулея -- "Превращения, или Золотой Осел". Впрочем, апулеевский рассказ вряд ли даже был знаком Богдановичу, который в своей работе непосредственно пользовался позднейшею повестью Лафонтена.

Подражание Лафонтену у Богдановича очевидно и откровенно. Он взял у французского писателя весь план повести, повторив целые главы и многие отдельные образы. Вместе с тем "Душенька" значительно разнится от своего первоисточника, чем, разумеется, и обусловлена ее слава. Различия начинаются с самой формы повествования: Лафонтенова повесть писана поочередно то стихами, то